

В. В. Каминский, В. А. Веремenco

Дворянская семья Барановских на сломе эпох

***Каминский
Валерий
Владимирович,***
Ph. D. истории,
независимый
исследователь
(Ашдод, Израиль)

***Веремenco
Валентина
Александровна,***
доктор исторических
наук, профессор,
Ленинградский
государственный
университет
им. А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург,
Россия)

В настоящей статье речь пойдет не просто о династии российских дворян и высших военных чинов, но о семье представителей высшей военно-интеллектуальной элиты Русской императорской армии (далее — РИА): отец и его старший сын были выпускниками самого престижного военно-учебного заведения как РИА, так и Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее — РККА) — Николаевской Академии Генерального Штаба (далее — АГШ)¹.

Глава семейства Лев Степанович Барановский родился во время неудачной для России Крымской войны² — 6 мая 1855 г. Впереди его ждала карьера «тонного» гвардейца и офицера Генерального Штаба. Начальное военное образование молодой дворянин получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, откуда 16 августа 1873 г. поступил на военную службу, став юнкером Николаевского кавалерийского училища³, традиционно готовившего офицерство для несения службы прежде всего в столичных гвардейских кавалерийских полках⁴. Из «кузницы гвардейских кавалерийских кадров» Лев Барановский в 1875 г. был выпущен корнетом в л.-гв. Кирасирский Его Величества полк. В составе названного полка он к началу 1880-х гг. выслужил чины поручика и штабс-ротмистра, а также принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁵

В 1880 г. Л. С. Барановский влюбился в 17-летнюю Марию Васильеву — родную сестру жены своего родного брата, то есть в свою свояченицу⁶. Для понимания дальнейшей коллизии нам необходимо остановиться на условиях заключения браков в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. В связи с церковным характером брака на первом месте стояли так называемые канонические препятствия, определяемые тем, к какому вероисповеданию относились люди, сочетавшиеся браком⁷. По нормам Русской православной церкви, отношения свойства, возникавшие вследствие брачного союза между членами двух разных фамилий, считались однозначным препятствием для заключения брака, если они доходили до четвертой степени включительно⁸.

Таким образом, Лев Барановский и Мария Васильева, будучи свояками как раз четвертой степени, не имели никаких законных оснований для заключения брака. В случае же если бы они все-таки данный брак заключили, то он подлежал признанию духовным судом незаконным и недействительным. Дети, рожденные в нем, должны были быть объявлены незаконнорожденными, а лица, вступившие в него, подлежали немедленному разлучению⁹. Будучи нарушением и светских законов, такое преступление предполагало изучение обстоятельств дела и уголовный суд. Тяжесть выносимого светским судом приговора зависела от близости родственных или свойственных отношений вступивших в брак, от того, наказывались ли они только за незаконное супружество или еще и за кровосмешение¹⁰.

Вместе с тем отец девушки — тайный советник, академик Василий Павлович Васильев, судя по всему, был близок ко Двору и имел некоторые представления об особенностях и возможностях вмешательства императора в брачные дела своих подданных. Дело в том, что во второй половине XIX в. сложилась система «высочайшего» обхода постановлений церкви по личным делам отдельных просителей. Для этого нарушитель (речь, как правило, шла о дворянах, причем преимущественно высокопоставленных) должен был либо заранее (еще до самого «преступления») обратиться напрямую к монарху или к нему же, но через посредство Комиссии (Канцелярии) прошений, либо успеть сделать это уже после того как о событии стало известно, но до обнародования решения церковных властей. В первом случае проситель мог получить гарантии не преследования, а во втором дело могло быть «временно приостановлено» и так никогда и не возобновиться¹¹.

Население страны было очень хорошо информировано о тех степенях родства и свойства, которые делали брак невозможным, поэтому В. П. Васильев и Л. С. Барановский решили не рисковать и еще до брака заранее заручиться «высочайшей гарантией». В первых числах февраля 1881 г. академик обратился к Александру II «с ходатайством о разрешении такого брака». Прошение передавалось через наследника престола — Александра Александровича. 10 февраля заинтересованные лица получили свое ходатайство назад. На документе значилась резолюция, «начертанная рукой наследника»: «Государь разрешить не берется, но брак не будет расторгнут». Ниже стояла буква «А». После такой гарантии молодые люди были совершенно уверены в своей безопасности и в августе 1881 г. спокойно вступили в брак, являвшийся по российским законам недействительным¹². Правда, одну серьезную ошибку они допустили (будущий супруг ей в дальнейшем и воспользовался): данное прошение не было передано в Св. Синод, а осталось в бумагах

царской канцелярии. В результате информация о разрешении до церковных властей не дошла...¹³

Вернемся теперь к служебным делам нашего героя. В 1882 г. молодой офицер (27 лет от роду) Лев Барановский окончил АГШ. Несмотря на окончание Академии по 2-му разряду, он был благополучно и без особых проволочек причислен к Генштабу РИА, получив чин капитана Генерального штаба. Далее идет совершенно безмятежная карьера офицера-«генштабиста», в течение которой наш первый герой в той или иной мере изведает все ипостаси штабной и строевой службы.

Начав с младших должностей по Генштабу (помощник старшего адъютанта штаба Казанского военного округа: 24 ноября 1882 г. — 7 октября 1883 г.; состоящий для поручений при Казанском военном округе: 7 октября 1883 г. — 1 апреля 1884 г.), Лев Степанович побывал далее в прикомандировании к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1 апреля 1884 г. — 18 октября 1886 г.). Причем за последний срок выслужил чин подполковника. Как всякий начинающий «генштабист», Лев Степанович с 18 октября 1886 г. до 26 марта 1888 г. проходил ротный (а в данном случае — эскадронный) ценз в 30-м драгунском Ингерманландском полку¹⁴. Здесь следует добавить, однако, что в 1887 г., будучи командиром эскадрона вышеназванного полка, наш герой чуть было не распрощался со службой. Связано это было с получением им взятки на сумму в 6 000 руб. с вольноопределяющегося 30-го драгунского Ингерманландского полка князя Орлова, которого он готовил к офицерскому экзамену. Барановскому пришлось даже подать прошение об отставке из Генерального штаба. Но в результате активных хлопот тестя — академика, дело удалось замять; правда, офицеру с семьей пришлось перевестись в Сибирь¹⁵.

Как бы то ни было, данный инцидент был забыт, и в последующие 20 лет Л. С. Барановский прошел практически все ступени штабной и строевой службы: от адъютанта командующего войсками Омского военного округа (26 марта 1888 г. — 20 мая 1889 г.) до командира 2-й бригады 41-й пехотной дивизии (5 августа 1911 г. — на 18 июля 1914 г.)¹⁶.

Теперь сделаем некоторую паузу в изложении обстоятельств служебной карьеры старшего героя настоящей статьи и остановимся более подробно на частностях его личной жизни периода 1895–1898 гг. В то время как карьерные дела шли вполне успешно (не считая досадной истории с взяткой) и к указанному времени Л. С. Барановский как раз «за отличия по службе» получил чин полковника (1896 г.)¹⁷, ситуация в семье становилась все более напряженной. Первоначально и здесь все было прекрасно: с небольшими интервалами у супругов родилось трое детей: первым 20 мая 1882 г. — сын Владимир, затем дочери: 26 ноября 1883 г. — Ольга, а 2 сентября 1885 г. — Елена¹⁸. Однако во второй половине 1880-х гг. в отношениях между мужем и женой, очевидно, наметились серьезные разногласия. Так, уже в период своей службы в юнкерском училище г. Чугуева Лев Степанович начал жаловаться сослуживцам на свою жену «за невоздержанностью ее к спиртным напиткам» (так в тексте источника. — *В. В., В. К.*)¹⁹. Правда, никто подобного за ней не замечал...

С переездом семьи в Омск (предположительно речь может идти о сроке не позднее 1888 г., хотя в документах конкретная дата не указана²⁰) ситуация

дошла до критической точки. С 1891 г. Л. С. Барановский начал открыто встречаться с 17-летней дочерью статского советника Евгенией Вячеславовной Михайловой. Судя по всему, данное обстоятельство не только разрушало брак Барановских, но и грозило отразиться на служебной карьере офицера. По крайней мере, командующий войсками Омского военного округа барон М. А. Таубе отнесся «с полным сочувствием и соболезнованием к... положению жены Барановского... и высказался весьма не симпатично по адресу полковника...»²¹.

В этих условиях Л. С. Барановский стал уговаривать жену пойти на развод. И здесь опять необходимо остановиться на условиях развода в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. Как и заключение брака, данная процедура целиком определялась нормами той церкви, к которой относились супруги. Православная церковь, а вслед за ней и светские гражданские законы допускали следующие поводы для развода супругов: «1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга, или неспособности его к брачному сожитию; 2) в случае, когда другой супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния; 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга»²². Итак, из четырех причин для развода (почему-то сгруппированных в ст. 45 «Законов гражданских» в три пункта), Барановский реально мог воспользоваться только одним — разводом по прелюбодеянию.

При этом необходимо учитывать, что дело должно было вестись духовным судом, бравшим за основу теорию формальных доказательств, согласно которой все доказательства делились на совершенные и несовершенные, причем только первые признавались достаточными для «признания осуждения несомнительным, несовершенные же доказательства тогда лишь могли служить основанием к обвинению, когда они в совокупности исключали возможность недоумевать о вине подсудимого»²³. В Уставе Духовной консистории приводился список «главных и прочих» доказательств прелюбодеяния. К главным относились: «а) показания двух или трех очевидных свидетелей и б) прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонними лицами». Прочие же факты: «письма, обнаруживающие преступную связь ответчика; показания свидетелей, не бывших очевидцами преступления, но знающих о том по достоверным сведениям или по слухам; показания обыскных людей о развратной жизни ответчика, и другие» — могли иметь силу, когда «соединялись с одним из главных доказательств, или в своей совокупности» обнаруживали преступление. Впрочем, консистории не осуждали ответчика «по совокупности доказательств». Особо подчеркивалось, что «собственное признание ответчика ...не принимается в уважение, если оно не согласуется с обстоятельствами дела и не сопровождается доказательствами»²⁴.

Таким образом, на практике для развода в семье Барановских был только один вариант — представить свидетелей, не менее двух, видевших сам акт прелюбодеяния (!) одного из них, причем так, чтобы виновность супруга была совершенно очевидна. Трудно сказать, кого из супругов видел глава семьи в роли прелюбодея, но скорее всего не себя, так как всюду рассказывал о развратном поведении своей супруги, да и по православным каноническим нормам лицо, признанное виновной стороной в делах о разводе по прелюбодеянию или неспособности к брачному

сожителству, обрекалось на «всегдашнее безбрачие». Если осужденный духовным судом все же вступал в новый брак, то это супружество подлежало признанию незаконным и недействительным, а супруги должны были быть немедленно разлучены²⁵. Сам же полковник Л. С. Барановский после развода собирался немедленно вступить в новый брак с любимой им девушкой. С другой стороны, уже имея опыт вступления в очевидно запрещенное супружество, он мог рискнуть на подобный шаг снова...

В любом случае, Мария Барановская отказалась и, взяв дочерей (сын Владимир находился в Омском кадетском корпусе), отправилась к отцу в С.-Петербург, где, как свидетельствовало жандармское управление, «образ жизни вела скромный и уединенный, занималась хозяйством и заботливо ухаживала за своими детьми, а также — за престарелым отцом»²⁶. Каково же было ее удивление когда вдруг, весной 1896 г., она узнала, что 28 марта ее брак признан духовным судом незаконным и недействительным, сама она теперь должна называться девицей Васильевой, а дети оказываются незаконнорожденными — в то время как ее бывший супруг Л. С. Барановский ровно через месяц, 28 апреля 1896 г., вступил в новый брак с Е. В. Михайловой²⁷.

Здесь опять необходимо отойти от основного изложения и в нескольких словах описать, что значил в России второй половины XIX в. статус незаконнорожденного. Прежде всего, независимо от происхождения родителей, ребенок записывался в податное состояние и тем самым лишался прав и преимуществ, принадлежавших его родителям (если они относились к привилегированному сословию). Не пользуясь правами и преимуществами сословного происхождения, незаконнорожденные дети дворян были лишены права поступления на государственную службу²⁸. Другим важным ограничением было отсутствие права незаконных детей не только на фамилию отца, но (по крайней мере, официально) и на фамилию матери²⁹. При крещении их должны были записывать по фамилии, образованной от имени восприемника³⁰. В связи с тем, что незаконные дети официально не имели ни семьи, ни рода, теоретически не существовало лица, наделенного родительской властью над ними (официально мать обладала лишь преимуществом при усыновлении своего незаконнорожденного ребенка)³¹. Наконец, ст. 136 «Законов гражданских» утверждала, что незаконные дети, «хотя бы они и были воспитаны теми, которые именуют себя их родителями», не имеют права на законное наследство ни после отца, ни после матери³². Таким образом, незаконные дети полностью лишались наследства в родовом имуществе обоих родителей (и тем более их родственников), которое можно было передать лишь их законным наследникам, а также в благоприобретенном, если наследодатель умирал без завещания. С другой стороны, полная свобода завещания благоприобретенных имуществ предоставляла право родителям передать их своим незаконным детям (как, впрочем, и любым другим лицам)³³.

С принятием соответствующего церковного постановления о признании брака незаконным и недействительным дети Барановских не только лишались возможных преимуществ своего происхождения (для Владимира это, например, означало невозможность продолжения обучения в кадетском корпусе), но и теряли родственные связи со своими родителями и всей их семьей. Вместе с тем,

принятый всего за несколько лет до описанных событий закон «О детях узаконенных и усыновленных» в определенной степени улучшал положение детей, рожденных в браке, признанном впоследствии незаконным и недействительным³⁴. Светский суд, рассматривавший данное дело после духовного (официальной задачей которого, как мы помним, было наказать виновных, вступивших в недозволенное супружество), мог ходатайствовать перед императором об уравнивании этих детей в правах с законными детьми, по любым «обстоятельствам, заслуживающим снисхождения». Однако, осуществленное в обычном порядке признание за такими детьми прав законных, не делало их таковыми полностью, так как прав наследования после родственников родителей они не приобретали³⁵.

Получив свидетельство о признании их брака незаконным и недействительным, бывшие супруги Барановские могли, конечно, рассчитывать на возвращение их детям статуса законных (с указанными ограничениями), но только подвергшись сами уголовному преследованию. Понятно, что попадать под суд они не хотели, и каждый из них попытался решить данную проблему своим способом.

Отец, взяв сына из кадетского корпуса, где юноша более не мог находиться, начал хлопоты об усыновлении им собственных детей³⁶. Мать же обратилась к «монаршей милости» с ходатайством о сохранении за ее браком статуса законного, написав совместно с престарелым академиком прошение в Канцелярию прошений³⁷.

Просители ссылались на данное Александром II разрешение; были подняты архивы, и в бумагах Н. Розенбаха найдено старое прошение от 10 февраля 1881 г. Для объяснений был немедленно вызван обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, который был вынужден оправдываться, указывая, что: «Означенная ВЫСОЧАЙШАЯ резолюция в Бозе почившего Государя Императора Александра III не была сообщена мне, а посему с моей стороны и не могло быть сделано никаких обычных в сих случаях распоряжений»³⁸.

Итак, вернуть статус законного браку после того как решение было уже официально принято и обнародовано, не представлялось возможным³⁹. Поэтому все что могла сделать Канцелярия прошений — это продумать, как оформить положение детей, определиться с их местом жительства и содержанием. Более полугода жандармские управления всех городов, в которых проживали бывшие супруги Барановские, проводили тайное следствие, выясняя обстоятельства жизни этого семейства⁴⁰. Полковник же и «девица Васильева» постоянно бомбардировали Николая II прошениями, в которых каждый из них просил передать ему полную родительскую власть над всеми тремя детьми. Сам же император был вынужден многократно обращаться к данной истории⁴¹. Только в 1897–1898 гг. по делу семейства Барановских состоялось 4 всеподданнейших доклада.

7 марта 1897 г. по докладу Главноуправляющего Канцелярией прошений Д. С. Сипягина последовала высочайшая резолюция: «Выдать Марии Барановской бессрочный вид на жительство, в коем именовать ее не дочерью Тайного Советника Васильева, а потомственной дворянкой Марией Васильевной Барановской»⁴².

8 августа того же года была наконец определена судьба детей. Учитывая два обстоятельства: с одной стороны, что «положение в котором находится просительница заслуживает всяческого участия», она «видит цель своего дальнейшего существования в детях» и «не заслуживает быть разлученной с ним»; с другой — то,

что «сын Владимир ясно выразил желание жить с отцом и что он находится в таком возрасте, когда передача его одному из родителей, помимо его согласия, является мерой едва ли желательной», было решено: «1) предоставить дочерей Ольгу и Елену Барановских на исключительное попечение их матери, внеся их в ее паспорт, 2) сына Владимира оставить при отце, с тем, чтобы он был помещен последним в Омский кадетский корпус, а в случае непринятия мальчика в означенное учебное заведение — в один из Ст.-Петербургских кадетских корпусов и 3) обязать Полковника Барановского выдавать своей бывшей жене на содержание находящихся при ней дочерей по 50 руб. ежемесячно»⁴³.

Данная история обернулась для полковника серьезными проблемами по службе. После получения императорской резолюции ему предложили «выйти в отставку и только после представленных им Генерал-Адъютанту [П. С.] Ванновскому подробных объяснений последний изъявил согласие заменить отставку отчислением его на один год в запас»⁴⁴. Однако и такой вариант не устроил Л. С. Барановского и его новую жену. В течение 1898 г. полковник опять обращался в Канцелярию прошений. Правда, теперь речь шла не о статусе и местожительстве детей, а о «об устранении влияния этого дела на его служебное положение». Отец жаловался, что с отчислением в запас не имеет больше средств на содержание семейства, которое находится при нем, и тем более на отправку алиментов девочкам. Евгения Вячеславовна Барановская, новая супруга нашего героя, приведя помесечные выписки из расходных книг, умоляла разрешить им платить бывшей жене не твердо установленную сумму, а «сообразно их материальному положению». Оба эти прошения были «оставлены без удовлетворения»⁴⁵.

Новый брак Льва Степановича, ради которого офицер пошел даже на признание собственных детей незаконнорожденными, оказался недолгим... Известно лишь, что 31 декабря 1898 г. у супругов родилась дочь Ксения. Но вскоре полковник уже сватался к Августе Павловне Симоновой, от которой у Л. С. Барановского родились еще два сына: Лев (род. 7 декабря 1902 г.) и Николай (род. 7 июля 1908 г.)⁴⁶. Мария Васильевна Барановская напомнила императору о себе еще раз — в 1904 г., когда после выхода замуж старшей дочери — Ольги, просила сохранить алименты в полном объеме, а не сокращать их наполовину. Никакого ответа на ходатайство в бумагах Канцелярии прошений нет⁴⁷.

Весной 1899 г. полковник Л. С. Барановский смог не только вернуться на службу, но в 1907 г. даже получил очередное звание генерал-майора⁴⁸. Первую мировую войну Лев Степанович встретил в должности командующего 77-й пех. дивизией, исполняемой с 19 июля 1914 г. до 25 августа 1915 г. В чин генерал-лейтенанта Л. С. Барановский был произведен 8 мая 1915 г. «за отличие» и с утверждением в должности начальника той же 77-й пех. дивизии. С 25 августа 1915 г. наш самый старший по возрасту герой состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа, а затем с 25 февраля до 7 декабря 1916 г. занимал свою последнюю командно-строевую должность в РИА — начальника 45-й пех. дивизии. С 7 декабря 1916 г. Лев Степанович находился в резерве чинов при штабе Киевского военного округа.

Следует отметить, что Генштаба генерал-лейтенант Л. С. Барановский вполне благополучно пережил начальный этап революционных событий 1917 г.

и в достаточно преклонном возрасте (62 года) 18 октября 1917 г. был уволен с военной службы с мундиром и пенсией⁴⁹.

Дальнейшая судьба Л. С. Барановского не вполне ясна. Из картотеки А. Лихотворика можно понять, что в 1919 г. Лев Степанович находился на службе у адмирала А. В. Колчака: на ноябрь 1918 г. он якобы состоял на учете чинов резерва при управлении начальника гарнизона г. Омска, затем — в резерве чинов Омского военного округа. И наконец, с 31 марта 1919 г. Л. С. Барановский был зачислен в резерв офицеров Генштаба при Главном штабе военного министерства Колчака, а в июне с. г. был даже допущен к исполнению должности члена Военного совещания⁵⁰. Эти данные сложно подтвердить или опровергнуть. Однако позволим себе все же в них усомниться: если бы Лев Степанович Барановский действительно оказался в 1919 г. на службе у Колчака, то такой факт должен был быть отмечен в списках колчаковского Генштаба хотя бы как уникальный: Л. С. Барановский был бы тогда по возрасту самым старым из «генштабистов» Колчака. Но ни в одном из изученных нами соответствующих списков имени Барановского нет⁵¹. Дата его кончины тоже неизвестна⁵².

Второй герой нашей статьи — Владимир Львович Барановский. Он родился, как уже отмечалось, 20 мая 1882 г. в г. Казани⁵³. Его отцом был уже представленный нами выше Лев Степанович Барановский, который закончил полный курс АГШ как раз в год рождения своего сына⁵⁴.

Начальное военное образование Владимир Барановский получил в Сибирском кадетском корпусе, откуда, как мы помним, был более чем на год исключен в связи с пребыванием в статусе незаконнорожденного и спором родителей о его местожительстве⁵⁵.

1 сентября 1899 г. он поступил на военную службу — юнкером Константиновского артиллерийского училища, которое окончил в 1902 г. Так же как отец, Владимир свою офицерскую карьеру начал в гвардии: в 1902 г. он был выпущен из училища подпоручиком в л.-гв. 1-ю арт. бригаду⁵⁶. На период с 13 августа 1905 г. — на 1 января 1909 г. В. Л. Барановский служил Гвардии поручиком в той же бригаде, располагавшейся на последний срок в Санкт-Петербурге⁵⁷.

Здесь надо сделать некоторое пояснение: на 1908 г. В. Л. Барановский мог только формально числиться в названной бригаде, поскольку на это время должен был прийти срок его обучения в АГШ (всего — 3 года), которую молодой офицер окончил 3 июня 1910 г. с последующим причислением к Генеральному штабу⁵⁸. Далее следуют вехи обычной карьеры офицера Генерального штаба: в период 2 ноября 1910 г. — 1 ноября 1912 г. Барановский-младший отбывал цензовое командование ротой в 141-м пех. Можайском полку. 26 ноября 1912 г. Владимир Львович приступил к исполнению своей первой должности по Генштабу — старшего адъютанта штаба 25-й пех. дивизии. В канун Первой мировой войны (на 18 июля 1914 г.) он состоял в указанной должности в чине капитана Генштаба и пробыл в ней всего 1 год 8 мес.⁵⁹

Далее в течение всего только двух месяцев будущий шурин А. Ф. Керенского находился на штабной службе в столице, причем на службе Генштаба высшего ранга — и. д. помощника начальника отделения Главного Управления Генерального Штаба⁶⁰.

Уже с сентября 1914 г. Генштаба капитан В. Л. Барановский — на штабных должностях различного уровня в боевых частях РИА: с сентября 1914 г. — старший адъютант штаба 25-й пех. дивизии; с апреля 1915 г. — и. д. штаб-офицера для поручений штаба 3-го Кавказского арм. корпуса; с 12 июня 1915 г. — и. д. начальника штаба 101-й пех. дивизии; с 18 октября 1915 г. — и. д. начальника штаба 74-й пех. дивизии. 6 декабря 1915 г. Владимир Барановский был произведен в подполковники с назначением и. д. начальника штаба 32-й пех. дивизии⁶¹. На 22 апреля 1916 г. «генштабист» В. Л. Барановский пребывал в той же должности и чине⁶².

Высочайшим приказом от 18 марта 1915 г. В. Л. Барановский был награжден Георгиевским оружием⁶³, из чего, бесспорно, следует, что он был храбрым офицером.

21 сентября 1916 г. Генштаба подполковник В. Л. Барановский занял должность штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем⁶⁴. И в этой же должности он встретил отречение Николая II от престола. Подполковник В. Л. Барановский благополучно пережил было уже и Февральскую революцию 1917 г., являясь в ее дни членом Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. Однако 25 марта 1917 г. Владимир Львович был уволен в отставку, где оставался недолго — не позднее 8 мая с. г.⁶⁵

Первем на некоторое время наше биографическое исследование и обратимся к общеизвестным событиям. К лету 1917 г. подполковник В. Л. Барановский был не просто офицером Генерального штаба (хотя уже этот факт сам по себе относил его к высшей военно-интеллектуальной элите всей армии⁶⁶) — он был еще и родственником человека, ставшего весной-летом 1917 г. на один исторический миг очередным «блестящим претендентом» на роль «русского Бонапарта», «калифом на час». Имя этого человека — Александр Федорович Керенский, который с 1904 г. и на время революционных событий весны-лета 1917 г. являлся близким родственником Владимира Львовича, поскольку был женат на его родной сестре — Ольге⁶⁷.

5 мая 1917 г. в газетах было объявлено о формировании коалиционного правительства, в котором А. Ф. Керенский занял важнейший в то время пост военного и морского министра. А с 7 июля Александр Федорович был назначен на должность министра-председателя, став, хотя и на весьма короткий срок, правителем всей России⁶⁸.

С вступлением Керенского в указанные должности карьера его шурина сразу же стала стремительно развиваться. Еще совсем недавно прозябавший в отставке, Генштаба подполковник В. Л. Барановский уже на 8 мая 1917 г. занимал должность штаб-офицера для делопроизводства и поручений при штабе самого Главковерха русской армии. Приказом от 8 мая 1917 г., подписанным, видимо, его шурином как военным министром (причем 6 июня с. г. этот же приказ был подтвержден вторично), Владимир Львович занял должность начальника кабинета военного министра⁶⁹. 7 июля 1917 г. он был произведен в полковники, а уже 30 августа с. г. — в генерал-майоры «за отличия по службе»⁷⁰. На середину июля 1917 г. Владимир Барановский занимал при Керенском фактически должность личного адъютанта⁷¹.

Следует отметить, что и в дни краха «керенщины» шурин Александра Федоровича отнюдь не выглядел пропавшим и забытым: на 11 сентября — 14 ноября 1917 г. он — генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта⁷². С «добольшевистской» армией Генштаба генерал-майор В. Л. Барановский попрощался, находясь в распоряжении начальника штаба Северного фронта (4 мес.)⁷³, будучи в чине генерал-майора⁷⁴.

1 ноября 1917 г. (ст. стиль) незадачливый зять Генштаба генерал-майора В. Л. Барановского бежал из Гатчины, переодевшись матросом⁷⁵, а последний, находясь тем временем на службе в штабе Северного фронта, 16 ноября с. г. отбыл в командировку в Петроград, где был арестован большевиками. Барановский-младший был заключен в Петропавловскую крепость, где оставался до 4 января 1918 г., когда был освобожден под честное слово⁷⁶.

Казалось бы, радикально настроенные большевики должны были немедленно расстрелять Владимира Львовича если не как «ненавистного золотопогонника»⁷⁷, то уж как ближайшего родственника своего злейшего врага — наверняка. Но этого, как мы видим, не случилось. И как тут не вспомнить слова будущего военного руководителя Уфимской Директории Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, относящиеся как раз к этому же периоду времени: «Режим не был суровым. Новая власть еще не успела осмотреться»⁷⁸.

Между тем 25 марта 1918 г. Владимир Львович Барановский был уволен со службы в «добольшевистской» армии (приказ по Генштабу № 26)⁷⁹. Чем наш второй герой занимался сразу после указанного срока — нам неизвестно, однако с 14 октября 1918 г. он оказался на службе в РККА, сразу заняв должность военного руководителя (далее — военрук) Главного управления Всеобщего военного обучения (далее — Всевобуч)⁸⁰.

Как и подавляющее большинство прочих старых «генштабистов», поступивших на службу в РККА в 1918–1920 гг., В. Л. Барановский был беспартийным, каковым оставался и на середину 1920-х гг.⁸¹ И говорить о каких-либо идейных мотивах поступления В. Л. Барановского на службу в «епархию Троцкого», коей в первые годы существования советского режима являлась РККА, также не приходится. Перед нами явно выраженная конъюнктура: было время царской армии — и Генштаба подполковник В. Л. Барановский служил в ней вполне добросовестно. Отречение Николая II и последующие революционные события подбросили к вершинам политической власти способного адвоката и авантюриста А. Ф. Керенского. Владимир Львович, ничуть не колеблясь, служил и режиму Керенского, тем более что последний являлся ближайшим родственником нашего «генштабиста», что, разумеется, не могло не сказаться на служебной карьере последнего.

Падение «керенщины» нисколько не смутило Владимира Львовича, ибо уже к осени 1918 г. мы видим его на службе в РККА.

Откуда же такая легкость в перемещении по разным политическим лагерям в столь короткий срок? Ответ на этот вопрос будет достаточно ясен, если мы вспомним, что офицеры Генштаба в указанное время были озабочены главным образом тем, чтобы сохранить и упрочить свой высокий служебно-социальный статус, решить свои *личные* проблемы. Иными словами, перед нами налицо *социально-бытовая мотивация*, рассмотрению которой один из авторов настоящей статьи уже посвятил

немало страниц, прежде всего в своей монографии⁸². Хотелось бы обратить внимание и на другой не менее значимый факт, уже неоднократно отмеченный другим автором настоящей статьи⁸³. Та самая русская дворянская интеллигенция, в том числе и военная, которая в значительной своей массе была либо аполитична, либо выступала с демократическими лозунгами и утверждала приоритет права и законности в политике, в своей семейной жизни демонстрировала, как мы видели и на примере самих Барановских, бесчисленные примеры нарушения или, по крайней мере, пренебрежения не только нормами действовавшего закона, но и морали. Подобный *правовой нигилизм* приучал дворянина (в том числе и офицера) думать в первую очередь о личном счастье и достатке, для достижения которых все средства хороши. И неважно, о чем идет речь: о получении взятки, вступлении в запрещенный брак, признании собственных детей незаконными, или ПРОСТО о том, чтобы служить тому, кто в данный момент стоит у власти, вне зависимости от того, соответствует ли это нормам права и морали или нет.

Теперь вернемся к дальнейшему изложению служебной биографии «генштабиста» В. Л. Барановского. До конца 1918 г. он продолжал занимать административные должности внутри системы Всевобуча РККА: на 28 ноября 1918 г. — помощник начальника отдела Главуправления Всевобуча⁸⁴; с 6 декабря — на конец 1918 г. — военрук того же управления и начальник учетно-организационного отдела Всевобуча⁸⁵. В 1919 г. его служба по Всевобучу сначала совмещалась со штабными должностями, а затем и просто ограничивалась ими, причем с повышением статусного уровня последних должностей! 31 января (19 апреля) — 20 декабря 1919 г. — помощник начальника Управления Всевобуча. Одновременно, с 31 января до 27 ноября 1919 г. — начальник штаба войск Московского сектора; с 20 декабря 1919 г. до начала 1921 г. — помощник начальника ВГШ⁸⁶; на 3 марта — 15 апреля 1921 г. прикомандирован к штабу РККА⁸⁷; с 15 апреля 1921 г. — на 1 марта 1923 г. — начальник Оргуправления Штаба РККА⁸⁸.

Иными словами, налицо совершенно очевидный служебный рост бывшего офицера старой армии в армии новой. Следует подчеркнуть одну немаловажную деталь: за указанные первые 5 лет службы В. Л. Барановского на «благо» советского режима его никто ни единым словом не попрекнул родством с бывшим премьер-министром Керенским⁸⁹.

Между тем после 1924 г. в служебном положении Владимира Львовича происходят резкие изменения: его попросту увольняют из кадров РККА с назначением, правда, одновременно на две должности: военрук института повышения квалификации народного образования и главный (старший) военрук гражданских вузов г. Москвы. Причем на 15 июля 1929 г. наш герой пребывал в последней должности⁹⁰.

И нет никаких оснований утверждать, что Владимира Барановского к середине 1920-х гг. уволили из РККА, например, как бывшего офицера, а тем более как родственника «классового врага». *Его уволили, потому что уволили. Потому что к указанному сроку (за 6 лет до дела «Весна» и более чем за 10 лет до «Большого террора») РККА постигла «тихая катастрофа» — ее численность начала резко сокращаться. С 3 млн чел., каковой была численность РККА к началу 1920 г., она*

к 1 апреля 1924 г. сократилась почти в 5,6 раза, составив 537514⁹¹. Столь резкое сокращение численности личного состава армии закономерно должно было привести (и привело в реальности) к массовому сокращению и численности лиц ее административно-командного состава (адмкомсостав). Справедливости ради надо признать, что «генштабист» В. Л. Барановский был отнюдь не единственным представителем адмкомсостава РККА, кто подвергся увольнению из этой армии в 1920-е гг.⁹²

Однако и уволившись из кадров РККА, В. Л. Барановский не особенно пострадал: на 1929 г. он занимал должность старшего военрука гражданских вузов г. Москвы. Должность эта была, по всей вероятности, достаточно авторитетна, хотя бы потому, что находясь в ней, Владимир Львович мог даже ходатайствовать за своих бывших коллег по «генштабу», например, за «генштабиста» К. А. Мартынова⁹³ как за завуча Московских пех. командных курсов, занимавшего последнюю должность с 9 сентября 1919 г. до 11 октября 1920 г.⁹⁴

17 февраля 1931 г. В. Л. Барановский был арестован ОГПУ по делу «Весна», виновным себя признал. По словам жены, Владимир Львович в то время был тяжело болен. Он был осужден к высшей мере наказания с заменой 10 годами исправительно-трудовых лагерей. Умер В. Л. Барановский 11 сентября 1931 г. в СибЛАГе⁹⁵. О его личной жизни мы знаем немного: на 1911 г. — 18 июля 1914 г. В. Л. Барановский был женат, имел дочь⁹⁶; на начало 1930-х гг. известно только, что он был женат⁹⁷.

В настоящей статье присутствуют не только герои, но и героини. По ходу авторского изложения уже должно было стать понятным, что «генштабист» РИА и РККА В. Л. Барановский имел родную сестру, Ольгу, бывшую первой женой А. Ф. Керенского⁹⁸. Надо сказать несколько слов и о ее судьбе.

Из всех персонажей нашей статьи Ольге Львовне Барановской-Керенской в водовороте событий 1917–1920 гг. досталось наиболее тяжелая доля. Семейным счастьем эта женщина явно не могла похвалиться.

Современный биограф А. Ф. Керенского пишет, что «в бытность Керенского премьером, его жена Ольга Львовна чаще видела его на фотографиях, чем в очию. Положение “соломенной вдовы” усугубляли рассказы многочисленных доброжелателей о реальных и выдуманных романах ее столь популярного мужа. Тем не менее, Ольга Львовна продолжала оставаться стойкой сторонницей Временного правительства. 25 октября 1917 г., когда [последнее] было арестовано, она тоже едва не оказалась в большевистской тюрьме...» за то, что пыталась «...срывать большевистские плакаты, расклеенные на заборах и столбах».

Ольга Львовна вместе с детьми оставалась в Петрограде на протяжении всей гражданской войны. Сыновей Олега и Глеба ей удалось пристроить в загородную школу, где они находились постоянно на казенном обеспечении.

Первым делом перед бывшей женой очередного несостоявшегося «русского Бонапарта» встал вопрос о заработке. Некоторое время она жила тем, что набивала табак папиросы, которые потом вразнос на улице продавал один из ее случайных знакомых. Однако драгоценный табак был конфискован во время очередного обыска, и Ольга Львовна осталась без денег и без работы. На счастье, другой ее знакомый пристроил бывшую премьершу в петроградское отделение Центросоюза,

где она вскоре перешла на должность машинистки. Этим ремеслом госпожа Керенская-Барановская овладела в совершенстве и позднее, в эмиграции, именно так и зарабатывала себе на кров и пропитание.

Ольге Керенской пришлось перенести все ужасы петроградской разрухи на исходе первого двадцатилетия XX в.: голод, холод и тяжелый труд. Особенно тяжелой выдалась зима 1919/1920 гг., когда пришлось продавать все: от «швейной машины и шубы Александра Федоровича» до серебряных ложек и посуды. Наконец ей повезло. Через одного из друзей Ольге Львовне удалось добыть документы, согласно которым она была подданной Эстонии; туда она и выехала в общем потоке репатриантов после заключения Юрьевского мира между Россией и Эстонией.

Годы, прожитые отдельно от мужа, сыграли свою роль — семья распалась навсегда. Ольга Керенская с детьми поселилась в Англии и дожила здесь до глубокой старости, на 5 лет пережив мужа⁹⁹.

Итак, перед нами — одновременно обычная, и при этом удивительная история дворянско-офицерской семьи. В ней как в капле воды отразилась главная, на наш взгляд, проблема старого правящего класса в русской революции 1917 г. Чисто теоретически эти дворяне-интеллигенты, высшая военная элита, были сторонниками права, хранителями офицерской чести. Но за пореформенные десятилетия они привыкли, что их семейные проблемы совершенно невозможно решить по закону, зато очень реально — в обход его. Подобный правовой нигилизм формировался во многом под воздействием политики самой власти, которая, сохраняя старые, отжившие свой век способы регулирования семейно-брачных отношений, ставила людей перед дилеммой: личное счастье или соблюдение закона.

Не имея возможности разрешить свои вопросы на месте, тысячи дворян вообще и офицеров-дворян в частности, ежегодно обращались к императорской власти по своим внутрисемейным проблемам, теряя веру в судебную систему и в демократические институты, привыкая, что совершив даже самый аморальный поступок, можно просто пересидеть год-другой в запасе (отставке) и вернуться назад, продолжив свою успешную карьеру так, как будто ничего не произошло... Думая прежде всего о своем личном интересе, подобная «элита» и в «военно-революционные» дни 1917–1920 гг. готова была служить всякому, кто гарантировал ей более-менее безбедное существование...

¹ Список Генерального Штаба, исправлен по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. Пг., 1914 г. (далее — Список Генштаба, сост. на 1914 г.). С. 159, 584.

² См., например: Крымская война 1853–1856 гг. — URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1800sob/1853krum.php> (дата обращения: 4.09.2016)

³ Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159.

⁴ Справедливости ради надо сказать, что из названного училища молодые офицеры выпускались отнюдь не только в гвардейскую кавалерию, но и в обычные кавалерийские полки, а также в конную и полевую артиллерию. См.: Николаевское кавалерийское училище. Раздел 4: Выпускники. — URL: http://regiment.ru/reg/VI/C/19/3-5.htm#Выпуск_10.08.1873_г. (дата обращения: 4.09.2016); http://regiment.ru/reg/VI/C/19/3-6.htm#Выпуск_8.08.1881_г. (дата обращения: 4.09.2016); http://regiment.ru/reg/VI/C/19/3-6.htm#Выпуск_10.08.1889_г.; http://regiment.ru/reg/VI/C/19/3-7.htm#Выпуск_12.08.1896_г. (дата обращения: 4.09.2016); и др.

⁵ Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 1–1а.

⁷ Об условиях заключения браков в России пореформенного периода см. подробнее: *Веремenco В. А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2009. С. 51–99.

⁸ Степени отношений свойства, по аналогии с родственными определялись числом рождений, через которые установилась родственная связь между двумя лицами, и высчитывались следующим образом. Если речь шла о нескольких лицах, происходящих одно от другого, то их рождения составляли прямую линию. Такая линия могла быть нисходящей — из рождений, идущих от данного лица к его сыну, внуку и прочему потомству, или восходящей — к отцу, деду и другим предкам. Если же родство между людьми возникало от одного общего родоначальника, то линия, их соединяющая, именовалась боковой. В боковых линиях счет производился следующим образом: от одного из лиц считалось число рождений до их общего родоначальника, и от этого родоначальника к другому лицу. Сумма степеней по той и другой линии и указывала степень родства обоих лиц. Супруги же значились за одно лицо. То есть в нашем случае — от одной дочери до отца и до другой дочери — 2 степени. От одного сына до отца и до другого сына — еще 2 степени. Итого 2 ст. + 2 ст. = 4 степени свойства. См.: Свод законов Российской империи. Законы гражданские. Т. X. Ст. 196–211 (далее — Свод законов); О родстве и свойстве, как препятствиях к заключению браков по действующим законоположениям. М., 1908. С. 7–14; *Веремenco В. А.* Родство и свойство как препятствия к заключению браков в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Исторические науки: «Волжский рубеж». 2005. № 4. С. 13–19.

⁹ Законы гражданские. Т. X. Ст. 37. — Процесс официального разлучения предполагал предоставление церковными властями губернатору списка лиц, проживавших в незаконном браке. Далее эта информация должна была доводиться до сведения полиции, которая требовала от разлучаемых датъ подписку в отказе от дальнейшего совместного жительства. Если незаконные супруги отказывались дать подписку или, дав ее, продолжали жить вместе, то против них возможно было возбуждение преследования в мировом суде по обвинению в неисполнении законных требований властей. — Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом). Ф. 134 (Кони А. Ф.). Оп. 4. Д. 271. Г. 1887. Л. 52–52 об.

¹⁰ Уголовная ответственность вступивших в брак в недозволенных степенях родства или свойства, родителей или опекунов, заведомо допустивших такой брак, была предусмотрена статьями: 1559, 1560, 1561 и 1562 Уложения о наказаниях. Такое супружество (без кровосмешения) грозило православным заключением в тюрьму от четырех месяцев до года и четырех месяцев, а представителям других христианских конфессий — от двух до четырех месяцев. Родители и опекуны, допустившие подобный противозаконный брак, подвергались аресту на время от трех дней до трех месяцев. — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889. С. 455–456; Уголовное уложение. Проект, исправленный по заключениям особого присутствия Государственного Совета. СПб., 1899. С. 164–165. Ст. 411, 416, 518; Уголовное уложение (статьи, введенные в действие) / Сост. Н. А. Громов. СПб., 1911. Ст. 518–519. С. 204.

¹¹ О практике «высочайшего» вмешательства в решение семейных вопросов дворян см.: *Веремenco В. А.* Дворянские семьи второй половины XIX — начала XX вв. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии его императорского величества по принятию прошений) // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. СПб., 2004. № 2. С. 32–43.

¹² РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 1–1 об.

¹³ Там же. Л. 52.

¹⁴ Тот же ценз он проходил позднее на более высоком уровне, командуя батальоном 12-го Астраханского гренадерского полка (20 сентября 1891 г. — 20 сентября 1892 г.). См.: Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159.

¹⁵ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 56, 62.

¹⁶ Список генералам по старшинству. Ч. I, II, III. Сост. по 1 января 1913 г. с указанием «главнейших перемен, происшедших за время печатания списков с 1 января по 1 февраля 1913 г.». СПб., 1913. С. 512; Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159.

¹⁷ Список генералам по старшинству. Ч. I, II, III. Сост. по 1 января 1913 г. с указанием «главнейших перемен, происшедших за время печатания списков с 1 января по 1 февраля 1913 г.». С. 512.

¹⁸ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 86.

¹⁹ Там же. Л. 61.

²⁰ Наше предположение относительно срока переезда семьи Барановских в Омск основывается на следующих фактах: глава семейства Лев Степанович свою службу при штабе Омского ВО начал 26 марта 1888 г. и продолжал служить там до 29 июня 1900 г. В то же время, его сын Владимир на военную службу поступил 1 сентября 1899 г. — после окончания Омского кадетского корпуса. Иными словами, в 1890-х гг. семейство Барановских уже проживало в Омске (Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159, 584).

²¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 19–22. — Генерал Максим Антонович Таубе (1826–1910 гг.) должность степного генерал-губернатора и командующего войсками Омского военного округа занимал с 24 октября 1889 г. до 26 декабря 1897 г.: Барон фон Таубе М.А. // Русская императорская армия. — URL: <http://regiment.ru/bio/T/19.htm> (дата обращения: 4.09.2016)

²² Свод законов. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1857. Ст. 45.

²³ Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. СПб., 1896. С. 43.

²⁴ Устав Духовной Консистории. Ст. 249–250.

²⁵ Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910. С. 132. — См. подробнее: *Веременко В.А.* Вопрос о «всегдашнем безбрачии» в законе и в повседневной жизни православного населения России во второй половине XIX века // X Царскосельские чтения. Междунар. науч. конф. 25–26 апреля 2006 г. Т. IV / Под ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2006. С. 141–146.

²⁶ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Цыткин П.С. Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении и о взаимных отношениях родителей и детей. Пг., 1916. С. 217.

²⁹ Свод законов. Т. X. Законы гражданские. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 136. С. 28.

³⁰ О реальном соблюдении данной нормы см.: *Веременко В.А.* «Дело невозможное и несогласное с нравственностью» (об узаконении и усыновлении детей дворянами в России во второй половине XIX — начале XX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 9. С. 64–118.

³¹ См. подробнее: *Зайцева С.В.* Усыновление незаконнорожденных детей в России в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 1. Т. 4. История. СПб., 2012. С. 85–92.

³² Свод законов. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1857. Ст. 132. — См. подробнее: *Веременко В.А.* Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX — начала XX в.). СПб., 2015. С. 36–71.

³³ Судебный Вестник. 1872. № 80; Указатель судебным решениям по гражданскому праву и судопроизводству // Юридический вестник. 1875. № 4–6. С. 38.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XI. 1891. № 7525. СПб., 1894. С. 111–114.

³⁵ Свод законов. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1900. Ст. 137.

³⁶ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 51–53.

³⁷ Там же. Л. 1–2.

³⁸ Там же. Л. 40–41 об.

³⁹ Интересно, что по итогам данного дела, чтобы избежать подобной ситуации, в которой заключившие незаконный брак (или один из них) узнавали о признании их союза недействительным, только после принятия окончательного решения, когда отменить постановление было уже невозможно, 2 октября 1896 г. Святейший Синод выпустил циркулярный указ за № 10, предписав «епархиальным начальствам, чтобы они, при производстве дел о незаконности

браков, прежде рассмотрения и решения таких дел по существу, требовали объяснения от участвующих в деле лиц». — Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910. С. 108.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 13–156.

⁴¹ Там же. Л. 108–118, 135 об., 175–177, 183–192, 204–206.

⁴² Там же. Л. 97.

⁴³ Там же. Л. 125 об. 126. — Интересен и очень показателен тот факт, что в течение года, пока данный вопрос изучался Канцелярией прошений, светское, судебное производство по делу супругов не только не завершилось вынесением приговора, но его никто еще даже не возбуждал. Впрочем, отсутствие обращения суда никоим образом не отразилось на его решении. После окончательного согласования всех условий сохранения за детьми и бывшей женой старой фамилии, сословных и выслуженных по службе прав и преимуществ полковника, наконец, раздела детей между родителями и назначения им содержания, чины Канцелярии прошений передала подписанное Николаем II определение в Санкт-Петербургский окружной суд. Данный орган, таким образом, ограничил свое участие в деле приемом к сведению полученной им резолюции (РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 87).

⁴⁴ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 135 об. — Ванновский Петр Семенович (род. 24 ноября 1822 г. (ст. стиль) в г. Киеве, в семье дворянина) был одним из видных российских военных деятелей второй половины XIX столетия. Он внес значительный вклад в совершенствование мобилизационной готовности войск, усиление регулярной кавалерии, создание боевых и продовольственных запасов в районах сосредоточения на случай войны, строительство новых и реконструкцию старых крепостей и укреплений на западной границе и др. Под его руководством на вооружение армии была принята трехлинейная винтовка образца 1891 г., осуществлен переход артиллерии на бездымный порох, введена новая форма одежды, улучшены быт войск и материальное положение офицеров, проведен ряд крупных военных маневров, пересмотрены военно-судебное производство и Дисциплинарный устав (1888 г.), военные гимназии преобразованы в кадетские корпуса, сокращен курс общественных наук, введены должности офицеров-воспитателей. Однако недостаточная компетентность Ванновского в области техники отразилась на состоянии артиллерии и общей технической отсталости армии. В 1898 г. освобожден от должности военного министра и избран членом Государственного совета. В 1901 г. назначен министром народного просвещения, являлся почетным членом Петербургской Академии наук. С 1902 г. в отставке. Скончался 17 февраля 1904 г. (ст. стиль) (Петр Семенович Ванновский // Хронос. — URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/vannovski_ps.php (дата обращения: 4.09.2016)

⁴⁵ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 173, 201.

⁴⁶ Ольга Львовна Барановская // Rodovid. — URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:283263> (дата обращения: 4.09.2016)

⁴⁷ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 204–205.

⁴⁸ Список генералам по старшинству. Ч. I, II, III. Сост. по 1 января 1913 г. с указанием «главнейших перемен, происшедших за время печатания списков с 1 января по 1 февраля 1913 г.». С. 512.

⁴⁹ Картоотека Лихтоворика А. А. Барановский Лев Степанович. — URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=119> (дата обращения: 4.09.2016)

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 60–61 с об.; Ф. 40840. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9 с об.

⁵² Картоотека Лихтоворика А. А. Барановский Лев Степанович.

⁵³ РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 15245; Список лиц с высшим общим военным образованием, составленный на 1 марта 1923 г. М., 1923. С. 18; Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 гг. М., 2000. С. 256; Картоотека Лихтоворика А. А. Барановский Владимир Львович. — URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=892> (дата обращения: 4.09.2016). — Дату рождения см. также: Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 584.

⁵⁴ Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 159. — См. также настоящую статью выше.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15. Л. 108–118, 135 об., 175–177, 183–192.

⁵⁶ Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 584; РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 15245–15247; Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович.

⁵⁷ Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович; Общий Список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1 января 1909 г. СПб., 1909. С. 156.

⁵⁸ Список Генерального Штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 112; РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 3 об.; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 350 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об.; Ф. 40895. Оп. 1. Д. 15245–15247; Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18.

⁵⁹ Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 584; Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 гг. М., 2000. С. 453.

⁶⁰ Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18.

⁶¹ Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 453.

⁶² Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. 22 апреля. С. 37.

⁶³ Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович.

⁶⁴ Список Генштаба, сост. на 1917 г. С. 112.

⁶⁵ Приказы армии и флоту о военных чинах. 1917. 8 мая; РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 4.

⁶⁶ Уже к началу XX в. выпускники АГШ, по сравнению с выпускниками других военных академий Российской империи, уверенно лидировали в замещении командных должностей РИА от полкового до корпусного уровней включительно. И в РККА 1918–1920 гг. лидерство «генштабистов» (в том числе и курсантов АГШ) в управлении армией на уровнях от дивизионного до фронтового было неоспоримым. Особенно четко это положение прослеживается по замещению в РККА должностей начальников штабов различного уровня (см., например: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 49, 346–366, 401–418).

⁶⁷ За рассматриваемый период времени в семье Александра и Ольги Керенских родилось двое сыновей: Олег (род. в апреле 1905 г.) и Глеб (род. в 1907 г.). См.: *Федюк В. П.* Керенский. М., 2009. С. 403.

⁶⁸ *Федюк В. П.* Керенский. С. 144–334, 403–404.

⁶⁹ Приказы армии и флоту о военных чинах. 1917. 8 мая, 6 июня.

⁷⁰ Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович.

⁷¹ *Федюк В. П.* Керенский. С. 220.

⁷² Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович. — По др. данным: в указ. должности — с 20 сентября 1917 г. (*Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 453).

⁷³ Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18.

⁷⁴ Там же; РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 15245–15247; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 3 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об.

⁷⁵ *Федюк В. П.* Керенский. С. 404.

⁷⁶ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 453.

⁷⁷ Так назывался «офицер эпохи царизма в России» в крупном справочном издании советских времен (Толковый словарь Ушакова Д. Н. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/817866> (дата обращения: 4.09.2016))

⁷⁸ *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1926. С. 19.

⁷⁹ Картотека Лихотворика А. А. Барановский Владимир Львович.

⁸⁰ РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 15245, 15247.

⁸¹ Там же. Д. 15245.

⁸² *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. С. 7–8, 11, 23, 55, 94, 98–108, 117, 132, 178, 186; и др.

⁸³ См. подробнее: *Вереминко В. А.* Бытовые аспекты правового нигилизма (государство и дворянская семья в России в конце XIX — начале XX вв.) // Российская действительность XIX — XX вв. и революционный процесс. Сборник статей. СПб., 2012. С. 102–119.

⁸⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 45 об.

⁸⁵ Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18–19.

⁸⁶ Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 19; РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 3 об.; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 453. — По др. данным: на 15 ноября 1919 г. — только начштаба войск Московского сектора (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 350 об.).

⁸⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об.; Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 19.

⁸⁸ Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 18. Ч По др. данным: в 1921–1924 гг. — начальник оперативно-строевого отдела управления связи РККА (*Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 453).

⁸⁹ По крайней мере, в рассмотренных нами архивных делах, касающихся проблем регистрации и привлечения «генштабистов» на службу в РККА в 1918–1919 гг. и на более поздний срок, такой информации не обнаружено (РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29; Оп. 5. Д. 90, 97; Оп. 6. Д. 96; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191; Ф. 7. Оп. 2. Д. 8 и др.)

⁹⁰ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 260. Л. 9; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 256, 453.

⁹¹ См. последовательно: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918–1920 // *Past & Present.* 1990. № 129. P. 183; Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. Кн. 1. М., СПб, 2006. С. 70, 265.

⁹² Обозначенное нами здесь явление «тихой катастрофы», постигшей РККА к середине 1920-х гг., представляется темой отдельного и весьма серьезного исследования. Назовем здесь лишь некоторые имена «генштабистов» РККА, которые были уволены из армии только в 1924 г. (а их увольняли и в другие сроки на протяжении всех 1920-х гг.): А. В. Беклемишев, А. П. Беловский, П. В. Благовеценский, В. И. Галкин, В. Н. Гущинский, В. К. Затеplinский, Н. С. Максимов и мн. др. (См.: РГВА. Ф. 37976. Оп. 6. Д. 237–375. Л. б/н; Ф. 40895. Оп. 1. Д. 66193; Приказы РВС-НКО СССР. Л. 185; Картотека приказов РВС СССР. Ф. 4. Оп. 1 (далее — нрзбр.); Картотека Лихотворика А. А. Галкин Владимир Исидорович. — URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2252> (дата обращения: 4.09.2016); *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 94; Обречены по рождению. С. 178–179). — Конкретный материал об увольнениях в 1920-х гг. среди специалистов Генштаба РККА по каждой персоне в отдельности будет размещен в справочнике одного из авторов настоящей статьи.

⁹³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 260. Л. 9, 9 об.–10, 12 с об.

⁹⁴ См. последовательно: РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 260. Л. 2 об., 9; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 355 об.; Список лиц с высшим общим военным образованием. С. 141.

⁹⁵ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 256, 453.

⁹⁶ Барановский Владимир Львович. РИА. — URL: <http://www.regiment.ru/bio/V/429.htm> (дата обращения: 4.09.2016); Список Генштаба, сост. на 1914 г. С. 584.

⁹⁷ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 256, 453.

⁹⁸ Там же. С. 452; *Федюк В. П.* Керенский. С. 31–32.

⁹⁹ *Федюк В. П.* Керенский. С. 367–369.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Каминский В. В., Веременко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 64–83. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.304 УДК 94 (47).083 + 94 (47).084.3

Аннотация: Настоящая статья представляет собой переплетение двух исторических жанров: истории повседневности и научной биографии. Ее авторы постарались не только представить на суд читателей основные вехи биографий двух своих главных героев, но и непредвзято отразить некоторые аспекты их семейных проблем. Старший наш герой — Генерального Штаба полковник Лев Степанович Барановский не только вступил в первый свой брак со свояченицей (что было запрещено Российскими церковными и гражданскими законами), но и впоследствии, ради создания новой семьи уже с другой женщиной и успешного продолжения служебной карьеры, он готов был, поправ

всякие понятия об офицерской чести и элементарной мужской порядочности, оболгать ставшую ненавистной ему первую жену, а детей объявить незаконнорожденными. Владимир Львович Барановский, как и Барановский-старший, избрал карьеру гвардейского офицера и так же как отец, окончил Академию Генерального Штаба, обеспечив себе тем самым в дальнейшем благополучную карьеру представителя армейской интеллектуальной элиты. Однако В.Л. Барановскому «повезло вдвойне», ибо он был еще и шурином человека, заявившего летом 1917 г. претензии на роль очередного в равной степени «блистательного», как и неудачного «русского Бонапарта». Этого последнего звали Александр Федорович Керенский. В таких условиях головокружительная карьера «генштабисту» В.Л. Барановскому была обеспечена. Однако он не растерялся и после падения «керенщины», а сделал вполне успешную карьеру и в Красной Армии, чем подтвердил верность разработанной одним из авторов настоящей статьи теории социально-бытовой мотивации. Описанные авторами представители интеллектуальной элиты русской армии готовы были ради карьеры пограть не только офицерскую честь и семейное благополучие, но и служить всякому, кто гарантировал им более-менее безбедное существование.

Ключевые слова: Академия Генерального Штаба, Барановский.

Сведения об авторах: В. В. Каминский — Ph. D. истории, независимый исследователь (Ашдод, Израиль); kaminskij.valera@yandex.com. В. А. Веремченко — доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия); valentina.veremenko@yandex.ru.

FOR CITATION

Kaminskiy V. V., Veremenko V. A. The Noble Family Baranovskiy at the Turn of the Epoch, Modern history of Russia, no 3, 2016. P. 64–83. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.304

Abstract: The article represents an interlacing of two specified genres. Its authors tried to present the main milestones of biographies of two characters and to reflect impartially some aspects of their family problems. Our senior hero is the General Staff Colonel Lev Stepanovich Baranovsky who at first married his sister-in-law (that was forbidden by the Russian church and civil laws). Then for the sake of creation of new family life and for successful continuation of office career, he was ready to slander the first wife and to declare children illegitimate. Vladimir Lvovich Baranovsky, as well as Baranovsky Sr., chose career of the Guards officer and graduated from Academy of the General Staff, which ensured him further career as the representative of army intellectual elite. However V. L. Baranovsky was lucky man because he was also the brother-in-law of Alexander Fedorovich Kerensky. In such conditions, his meteoric career was guaranteed. However, he didn't become puzzled after falling of "kerenshchina", and made quite successful career in Red Army, what confirms the theory of social motivation, developed by one of the authors. Therefore, the representatives of intellectual elite of the Russian army were ready to trample officer honor and family wellbeing and to serve everyone who guaranteed them comfortable existence.

Keywords: Academy of the General Staff, Baranovskiy.

Authors: V. V. Kaminskiy — Ph. D. in History, independent researcher (Ashdod, Israel); kaminskij.valera@yandex.com | V. A. Veremenko — Doctor of History, Professor, Head of the History Department, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia); valentina.veremenko@yandex.ru

References:

- 1 Veremenko V. A. *Dvorjanskaja semja i gosudarstvennaja politika Rossii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX vv.)*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2009).
- 2 Veremenko V. A. 'Rodstvo i svojstvo kak prepjatstvija k zaključeniju brakov v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.', *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, Ser. Istoricheskie nauki: «Volzhskij rubezh», 2005, no. 4.
- 3 Veremenko V. A. 'Dvorjanskije semji vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv. v poiskakh «monarshej milosti» (po materialam Kanceljarii ego imperatorskogo veličestva po prinjatiju proshenij)', *Vestnik molodykh uchenykh*, Ser. Istoricheskie nauki, 2004, no. 2.

- ⁴ Grigorovskiy S. *O razvode. Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnoe sudoproizvodstvo* (St. Petersburg, 1896).
- ⁵ Grigorovskiy S. *O brake i razvode, o detjakh vnebrachnykh, uzakonenii i usynovlenii i o metricskikh dokumentakh. Sbornik tserkovnykh i grazhdanskih zakonov* (St. Petersburg, 1910).
- ⁶ Veremenko V.A. 'Vopros o "vsegdashnem bezbrachii" v zakone i v povsednevnoj zhizni pravoslavnogo naselenija Rossii vo vtoroj polovine XIX veka' in *X Tsarskoselskie chtenija. Mezhdunar. nauch. konf. 25–26 April 2006. Vol. IV*, Ed. V. N. Skvortsov (St. Petersburg, 2006).
- ⁷ Tsyarkin P.S. *Svod zakonopolozhenij imperskikh i oblastnykh o zakonnosti i vnebrachnosti rozhdenija, uzakonenii i usynovlenii i o vzaimnykh otnoshenijakh roditel' i detej* (Petrograd, 1916).
- ⁸ Veremenko V.A. "Delo nevozmozhnoe i nesoglasnoe s npravstvennostju" (ob uzakonenii i usynovlenii detej dvorjanami v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.), *Adam i Eva. Almanakh gendernoj istorii*, 2005, no. 9.
- ⁹ Zaytseva S.V. 'Usynovlenie nezakonnorozhdennykh detej v Rossii v konce XIX — nachale XX v.', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, no. 1, Vol. 4, Istorija (St. Petersburg, 2012).
- ¹⁰ Veremenko V.A. *Deti v dvorjanskikh semiyah Rossii (vtoraja polovina XIX — nachala XX v.)*. (St. Petersburg, 2015).
- ¹¹ Tinchenco Ya. Yu. *Golgofa russkogo oficerstva v SSSR v 1930–1931 gg.* (Moscow, 2000).
- ¹² Kaminskij V.V. *Vypusniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii* (St. Petersburg, 2011).
- ¹³ Fedyuk V.P. *Kerenskiy* (Moscow, 2009).
- ¹⁴ Boldyrev V.G. *Direktorija, Kolchak, interventy* (Novonikolaevsk, 1926).
- ¹⁵ Veremenko V.A. 'Bytovye aspekty pravovogo nigilizma (gosudarstvo i dvorjanskaja semiya v Rossii v konce XIX — nachale XX v.) in *Rossijskaja dejstvitel'nost' XIX–XX v. i revolyucionnyj process. Sbornik statej* (St. Petersburg, 2012).
- ¹⁶ Figs O. 'The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918–1920', *Past & Present*, 1990, no. 129.
- ¹⁷ *Reforma v Krasnoj Armii. Dokumenty i materialy 1923–1928 gg.*, Book 1 (Moscow — St. Petersburg, 2006).